

ЛЮБОВЬ ЛЕЙТЕНАНТА ЛАВРЕНТЬЕВА

Эту неказистую избу на краю деревни лейтенант Лаврентьев заметил издалека. Она удивила его. Немецкие пулеметы прицельно били по деревне, непрерывно стрекотали вражеские автоматы. Фашисты пытались вернуться в маленький населенный пункт, из которого их накануне выбила стрелковая рота Лаврентьева. Все вокруг было в дыму и пламени. А эта беленькая изба осталась нетронутой. Вернее, беленькой она была, казалось, только что, но прямо на глазах становилась серой, иссеченная пулями и осколками гранат.

Лаврентьев принял роту лишь вчера вечером, когда на подступах к деревне погиб капитан Лосев. Поднимая роту в атаку, капитан со своим ПППШ наготове встал в полный рост и тут же упал, подкошенный немецкой пулей. Только и успел прохрипеть Лаврентьеву, которого срочно к нему подозвали:

— Лаврентьев... принимай... роту... и... в атаку...

Рота поднялась за лейтенантом и с криками «ура!» устремилась к деревне. К полночи она была освобождена от захватчиков.

Ночь выдалась спокойной. Но с утра загрохотали немецкие гаубицы. «Вчера их не было слышно», — подумал Лаврентьев, и ему стало понятно, что за ночь враг успел подготовиться к возвращению на прежние позиции. Мелькнула мысль: «Сейчас пойдет их пехота». И он не ошибся.

Немцы шли большими силами. «Удержимся ли?» — засомневался Лаврентьев. И тут же прогнал дурные мысли: «Надо удержаться!»

Солдаты, перебегая от избы к избе, отбивали атаку отчаянно, не жалея своих жизней. Вот упал весельчак и балагур Зотов... Рядом с ним сражался его друг Беспалько. Он кинулся к упавшему товарищу, но в то же мгновение его самого сразила вражеская пуля. «Может, ранены?» — поверилось Лаврентьеву. Невдалеке от него, прямо рядом с Алланазаровым, ухнул артиллерийский снаряд, и солдата накрыло грудой земли и пепла.

Стреляя из автомата в наступающих немцев, Лаврентьев посмотрел в сторону знакомой бело-серой избы и ползком стал продвигаться в ее сторону. Другого укрытия поблизости не наблюдалось. Краем глаза заметил, как со двора этой избы испуганно шарахнулась черненькая собака-дворняжка, а вслед за ней с криком: «Черныш, Черныш!» кинулась молодая женщина. Лаврентьев вскочил, заорав: «Назад!» И в тот же миг, сбитый взрывной волной, рухнул, теряя сознание. За секунду до этого услышал за спиной хорошо знакомый лязг гусеничных лент танков. «Наши! — понял он. — Успели!»

* * *

Очнувшись, Лаврентьев обнаружил себя на диване укрытым теплым одеялом. Оглядевшись по сторонам, увидел на полу знакомую дворняжку. Та, заметив его пробуждение, встала и внимательно на него посмотрела. Хотел позвать ее: «Черныш...», но понял, что язык его не слушается. Получилось что-то вроде: «...ыш...» Собака в ответ твякнула. Лай донесся как будто откуда-то издалека.

«И со слухом у меня непорядок», — догадался Лаврентьев.

На лай Черныша в комнату заглянула хозяйка.

«Красивая... — сразу оценил Лаврентьев. — Чем-то на мою Нину похожа».

— Добрый день! — улыбнулась она. — Вы очнулись? Это очень хорошо! Меня Галей зовут. А вы — Михаил, я уже знаю.

Галя говорила громко — видимо, понимая, что он плохо слышит.

«Откуда она знает, как меня зовут?» — подумал он.

Как бы отвечая на его вопрос, Галя прокричала:

— Солдатики ваши мне о вас рассказали!

«А как я на этом диване оказался? Неужто она меня, такая хрупкая, одна сюда тащила?»

— Не я вас сюда принесла. Ваш солдат, чернявый такой, по-моему, грузин, вас ко мне в избу принес. А я ему только помогала.

«Сержант Кавтарадзе...» — догадался Лаврентьев.

И тут же он вспомнил бой за деревню, гибель солдат из его роты.

«Значит, сержант жив...»

— Любят вас ваши солдаты, — продолжала Галя. — Уговорили танкистов, и какой-то Пешков сгонял на танке в госпиталь, военврача к вам привез.

«Значит, ефрейтор Пешков тоже жив...»

— Врач долго тебя осматривал, слушал, измерял давление...

«На ты перешла», — уловил Лаврентьев.

— Сказал, что все будет хорошо. У тебя контузия средней тяжести. Нужен покой. Через неделю-другую начнут восстанавливаться и речь, и слух.

«Дай-то Бог...»

— А еще врач сказал, что тебе хвойные ванны помочь должны. Ну, ванны-то у меня нету, а корыто есть... Я и сама в нем моюсь... И сосна у меня в конце огорода растет. Веток наломаю — вот и будет тебе хвойная ванна...

«Да как же я встану-то, если мне покой нужен?»

И она опять его услышала:

— Ну, это потом... когда сил наберешься... А пока — только покой!

«Покой так покой... Был бы толк...»

— А сейчас обедать будем, — заявила она. — Никаких возражений не принимаю! Ты же пять дней без сознания был и ничего не ел! Я только березовым соком тебя все время поила с ложечки.

После ее слов про обед Лаврентьев ощутил нестерпимое чувство голода. Ел он жадно — и суп, и кашу, и компот. Жаль, что не мог встать, ел лежа, следя глазами за ложкой в руке Гали.

После обеда он уснул. Ему приснилась Нина. Они, взявшись за руки, гуляли с ней по какому-то красивому весеннему городскому парку, жадно целовались и клялись друг другу в любви. Все было так же, как и наяву, только такого красивого парка в их Листопадовке нет. Есть, правда, лес со смешным названием Бугроватый, куда они нередко уходили вдвоем, прячась от любопытных глаз односельчан.

Нину Лаврентьев полюбил с первого взгляда. В Листопадовку он приехал молодым учителем, только что окончившим Воронежский университет. Однажды пошел в сельский клуб, где показывали фильм «Волга-Волга». Рядом с ним в зале села девушка, увидев которую, Лаврентьев обомлел. Она показалась ему такой красивой, что о фильме он тут же забыл и смотрел только в ее сторону. Девушка не обращала на него никакого внимания и, глядя на экран, звонко смеялась, а иногда и хохотала. Он тоже радостно смеялся, хотя за развитием событий на экране совсем не следил. По окончании фильма, смущаясь, вызвался проводить ее. Она очень удивилась, но возражать не стала. Пока шли к ее дому, он успел узнать, что она — дочка уже хорошо знакомой ему Ольги Тимофеевны — учительницы физики, что работает она в Борисоглебске, в краеведческом музее, и иногда, по понедельникам, когда у нее выходной, приезжает к маме в Листопадовку.

У своей калитки Нина заторопилась:

— Мне рано утром подниматься, а то на работу опоздаю...

— А в следующий понедельник приедете?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Слишком дорога трудная. На перекладных добираться приходится...

— А можно мне к вам в воскресенье приехать?

— Зачем? — снова удивилась она и закрыла за собой калитку.

В субботу, после последнего школьного урока, даже не пообедав, Лаврентьев поспешил на большак, надеясь поймать попутку до Борисоглебска. Как назло, машины шли одна за другой, но — в обратном направлении. На случайную легковушку, показавшуюся из-за поворота, он совсем

не рассчитывал, поэтому и руку не стал поднимать. Но она остановилась сама. Из кабины выглянул знакомый председатель колхоза:

— Садитесь, Михаил Николаевич, до Верхнего Карачана могу подбросить.

«Повезло, — радовался Лаврентьев, располагаясь на заднем сиденье. — От Карачана до Борисоглебска каких-то полпути останется».

В Верхнем Карачане ему тоже повезло. Оказалось, что тут есть рейсовый автобус до Борисоглебска. К вечеру он уже был на месте. Устроившись в гостиницу и поужинав в гостиничном буфете, допоздна гулял по улицам города в надежде случайно встретить Нину. Конечно, не встретил.

А утром, после завтрака, отправился в краеведческий музей. Купив в кассе входной билет, вошел в музейный зал и стал нетерпеливо смотреть по сторонам. Музей заполнялся организованной экскурсией — группой школьников, с любопытством осматривающих какие-то диковинные экспонаты. И вдруг из боковой двери вышла она. Очаровательно улыбнувшись, сказала:

— Здравствуйте, ребята! Подходите поближе. Сегодня мы с вами совершим путешествие в историю нашего края.

У Лаврентьева перехватило дыхание. Он остался стоять в сторонке от школьников, не отрывая глаз от Нины. Заметив его, она пригласила:

— Мужчина, присоединяйтесь к нам.

И тут же узнала его. Немного растерялась, даже слегка сбилась с учебного текста, но быстро взяла себя в руки. Было заметно, что она ему обрадовалась.

Весь этот день прошел для Лаврентьева по расписанию музея. И только ближе к вечеру они, гуляя по улицам города, смогли наговориться. К радости Лаврентьева, Нина через неделю уходила в отпуск и весь его, полностью, собиралась провести в Листопадовке.

В понедельник к первому уроку, Лаврентьев, конечно, опоздал, за что получил нагоняй от Ольги Тимофеевны, временно исполнявшей обязанности завуча.

Отпуска Нины Лаврентьев ждал с таким нетерпением, что потерял сон. Приехавшая наконец-то Ниночка призналась ему, что эту неделю тоже плохо спала.

Не расставаясь друг с другом ни на один вечер, они поняли вскоре, что не смогут друг без друга жить. И однажды, сидя на берегу Свищевского пруда, мечтая о будущем, Лаврентьев решил:

— А давай поженимся!

Заявление в сельсовет они отнесли, даже ничего не сказав Ольге Тимофеевне. Та поначалу обиделась, но быстро отошла от этой обиды, потому что Лаврентьев в качестве мужа дочери ее вполне устраивал.

Регистрацию брака назначили на начало июля. А 22 июня грянула война. Ольга Тимофеевна, растерянно глядя на них, сказала:

— Может, заберете заявление? Ведь Мишу на войну заберут... Когда вернется с нее, тогда и разберетесь во всем...

Но Нина была настроена решительно:

— Нет, мама, ничего менять не станем!

Судьба же распорядилась по-своему. В конце июня Лаврентьева вызвали в райвоенкомат, откуда в Листопадовку он уже не вернулся.

С фронта он писал Нине много раз. Но ответных писем не получал. Не однажды его мучали сомнения. Что случилось? Листопадовка, по его расчетам, не была оккупирована немцами, и ничего плохого с Ниной не

могло случиться. Почему же она молчит? Может, полюбила другого какого-то лейтенанта? Но в это тоже не верилось. Не хотелось верить.

Постепенно справляясь с последствиями контузии, Лаврентьев не раз по ночам просыпался в холодном поту от мысли: почему Нина не пишет ему?

Когда к Лаврентьеву возвратились и речь, и слух, и подниматься с кровати он уже стал понемножку, Галя притащила в избу оцинкованное корыто. Набросала в него хвойных веток, залила их горячей водой. Изба наполнилась запахами хвойного леса.

— Ну вот тебе и хвойная ванна, — сказала Галя. — Раздевайся.

Лаврентьев поежился от смущения, но Галя была непреклонна:

— Да не стесняйся ты! Чего стесняться? Тебе лечиться надо!

И шагнула к нему, чтобы помочь раздеться.

— Нет-нет, я сам, — возразил Лаврентьев.

— Ну, сам так сам! — согласилась она и отошла к печке, в которой закипала очередная порция воды в большом чугушке.

Раздевшись, Лаврентьев шагнул к корыту, но у него вдруг закружилась голова, его повело в сторону. Галя тут же бросилась к нему, поддержала, помогла добраться до хвойной «лечебницы».

Лежа в этой «ванне», Лаврентьев почувствовал вскоре прилив сил и, прикрыв глаза, благостно задремал. Из этого состояния его вывели губы Гали, жарко приникшие к его губам. Лаврентьев обнял Галю и прижал к своему мокрому телу.

* * *

Набравшись сил, Лаврентьев решил первым делом сходить к братской могиле, в которой жители деревни похоронили воинов его роты. Над могильным холмиком возвышалась большая деревянная красная звезда, а рядом с ней, на фанерных щитах детская рука начертала фамилии и инициалы павших. Все они были Лаврентьеву знакомы. Он насчитал их более ста. «Почти вся рота», — тяжело вздохнул Лаврентьев.

Трудные военные дороги и невосполнимые фронтовые утраты могли бы, казалось, превратить его душу в грубую и очерствевшую. Но нет, чувство воинского братства крепло в нем с каждым днем и становилось поистине святым. Здесь, у могилы, Лаврентьев стоял долго, вытирая слезы, катившиеся по щекам. «Спите спокойно, братья, — мысленно обращался он к погибшим товарищам. — Мы отстаивали эту деревню. Отстоим и страну. А над этой могилой появится когда-нибудь гранитный или мраморный монумент, достойный вашей памяти. И ваши имена будут высечены на нем навечно...»

Попрощавшись с ротой, Лаврентьев поторопился к Гале, чтобы попрощаться и с нею: пришла пора догонять фронт.

Выйдя на шлях, он остановил попутку.

— Счастливого пути, Миша! — дрожащим голосом произнесла Галя.

Поцеловав Лаврентьева и с надеждой глядя в его глаза, спросила:

— Вернешься?

О Нине Лаврентьев ей уже рассказывал — и не раз, поэтому надежда ее была, можно сказать, пустой, и это ей было понятно. Да и сам Лаврентьев от ее вопроса слегка растерялся. Но, помедлив пару секунд и вспомнив, что Нина ему не пишет, обнадежил:

— Вернусь.

И он действительно вскоре вернулся.

Добравшись на перекладных до фронта, Лаврентьев нашел свою роту. Ее пополнили новобранцами, и знакомых лиц он увидел до боли мало. Ротой командовал незнакомый старший лейтенант, предложивший Лаврентьеву возглавить один из взводов. Ни одного известного солдата во взводе не оказалось.

В первом же бою Лаврентьев получил тяжелое ранение в ногу. Его отправили во фронтовую санчасть, потом в тыловой госпиталь. Провалился там почти месяц. Надеялся снова вернуться на фронт, к новым боевым товарищам, но... Безоговорочно демобилизованный по ранению, Лаврентьев оказался перед выбором: куда податься? Из госпиталя он дважды писал Нине, но ответа, как и прежде, не получил. И тут он вспомнил про свое обещание Гале — вернуться.

* * *

Однажды, когда он возвращался с братской могилы, его окликнула какая-то девушка:

— Извините, вы, по-моему, Лаврентьев?

Он оглянулся. Девушка оказалась местным почтальоном.

— Да, я Лаврентьев, — обрадовался он. — Мне письмо?

— Письмо, — подтвердила она и достала из сумки не письмо, а целый пакет.

Взглянув на обратный адрес, Лаврентьев прочитал: «Листопадовка». Но почерк был почему-то совсем не Нины. Руки Лаврентьева задрожали от предчувствия плохой весты. Из пакета вывалились к ногам его собственные письма, адресованные Нине, — все почему-то не распечатанные. К ним оказалась приложенной страничка из школьной тетради, на которой он прочитал:

«Здравствуй, Миша! Пишет тебе мама Ниночки, Ольга Тимофеевна.

Высылаю твои письма. Нина их так и не успела прочесть. Через неделю после твоего ухода на фронт она пошла в военкомат и тоже отправилась на войну. Была медсестрой. На днях я получила письмо от ее командира, в котором он сообщил, что моя Ниночка погибла, вынося раненого солдата с поля боя.

Ты, Миша, как я понимаю, уже успел обзавестись новым адресом. Желаю тебе счастья.

Помяни, Миша, мою Ниночку. О.Т.».

Он был раздавлен этой новостью. Придя к Гале, показал письмо ей и надолго замкнулся. Всю ночь не спал. Думал о Нине, о Листопадовке, вновь и вновь вспоминал строки письма Ольги Тимофеевны. Это «успел обзавестись новым адресом» больно царапнуло по его человеческой и офицерской совести. Мысленно воспроизводил перед собой географическую карту, размышляя, какими путями-дорогами он будет пробираться в родное село Нины.

Утром стал спешно собирать свой рюкзак. Виновато посмотрел на Галю:

— Прости меня, если сможешь... Я изменял Нине, когда она была живой... Но теперь, когда она погибла, изменять ей я не могу... Не имею права!

Галя понимающе промолчала и стала готовить ему узелок с едой в дорогу.

Она вызвалась его проводить, и он не возражал. Выйдя на знакомый шлях, Лаврентьев, подняв руку, остановил первую же полуторку.

Выглянув из кабины, водитель поинтересовался:

— Вы вдвоем?

— Нет, я один, — ответил Лаврентьев.

Водитель распахнул дверцу:

— Садись.

— Я в кузов... — возразил Лаврентьев, — по фронтовой привычке...

— Ну, как знаешь, — согласился водитель.

Закинув рюкзак через борт машины, Лаврентьев обнял Галю:

— Прощай... И прости...

Как и прежде, она тихоенько сказала:

— Счастливого пути, Миша!

Но вопроса «вернешься?» уже не задавала.

Ее фигура долго маячила на обочине дороги. Галя прощально махала рукой. Когда же полуторка стала скрываться за поворотом, женщина, понуриив голову, медленно зашагала в сторону своей избы.

ГОСТЬ ИЗ МОНЧЕГОРСКА

Однажды меня, инженера-геодезиста, отправили в командировку в Мурманск. В этом городе, на машиностроительном заводе имени Воровского, я должен был решить вопрос ускорения поставки нашему предприятию буровой установки. Из мурманского аэропорта, взяв такси, добрался по вечернему городу до гостиницы «Арктика». Проблем с номером не возникло — он был у меня заранее забронирован. Администратор, миловидная женщина, заглянув в мой паспорт, неожиданно посмотрела на меня более внимательным взглядом, чем это обычно бывает в таких случаях, и даже, как мне показалось, хотела что-то спросить. Но не спросила. Протянула мне ключи и, улыбнувшись, сказала:

— Ваш номер на втором этаже. Спокойной ночи!

Поднимаясь с чемоданом по лестнице, я услышал, как она, позвонив кому-то по телефону, произнесла:

— А вот у нас в Мончегорске...

Мончегорск... В этом городе я никогда не бывал. Но в моей памяти с давних детских лет многое с ним связано. Поэтому у меня возник порыв оставить чемодан на ступеньках лестницы и спуститься вниз. Я четко видел, что у окошка администратора стояла табличка с ее фамилией, именем и отчеством, и мне очень захотелось посмотреть на эту табличку повнимательнее. Не Ефремова ли она? «Да нет, — остановил я себя, — не может быть такого совпадения. А если даже совпало, то она явно замужем и фамилию свою давно поменяла». Словом, я решил поговорить с женщиной-администратором на следующее утро.

Утром, после завтрака, я подошел к знакомой стойке, но, к моему огорчению, за окошком сидела совсем другая женщина. Помявшись, я подошел к ней с вопросом:

— Извините, не подскажете фамилию вашей сменщицы — той, которая вчера дежурила?

Женщина посмотрела на меня не без ехидства:

— Что, понравилась?

— Да не в этом дело...

— Попова она.

— А ее девичью фамилию не знаете?

— Понятия не имею. Да она завтра утром меня сменит, сами и зададите ей этот вопрос.

Еще раз извинившись, я уехал на завод. День прошел суматошно, в бегах по кабинетам заводууправления. Дело не ладилось, и мне было не до воспоминаний. Они нахлынули вечером, когда я вернулся в гостиничный номер.

Вспомнилось: когда я пошел в первый класс, наша учительница Александра Федоровна, знакомясь с нами, расспрашивала каждого о семье. И меня поразило: из всего нашего класса только у меня одного отец вернулся с войны. Но вернулся он, по словам мамы, какой-то другой. Как она говорила, до войны он был веселым балагуром, а стал замкнутым, молчаливым.

Не раз я приставал к нему:

— Пап, расскажи что-нибудь интересное о войне.

— На войне ничего интересного нет, — неизменно отвечал он. — Мне часто снится алое от крови снежное поле... Вот это и есть война.

Но однажды отец все-таки разговорился. В тот день сельский почтальон Федотыч не оставил нам, как всегда, районную газету в ручке входной двери, а постучался в избу:

— Василь Егорыч, вам телеграмма, из Мончегорска.

Услышав, откуда пришла телеграмма, отец заметно приободрился, как-то подтянулся. Читая телеграмму, он даже радостно заулыбался. Позвал маму:

— Тань, послезавтра к нам гость приедет. Мой самый лучший фронтовой друг — Коля Ефремов.

Мама суетливо всплеснула руками:

— Уже послезавтра? Успеем ли подготовиться?

— Ты не суетись, — сказал отец. — Коля человек простой.

— Простой или не простой, а гость все-таки, — возразила мама. — Я, пожалуй, пироги приготовлю.

— Вот это дело! — похвалил ее отец. — Пироги у тебя знатные получаются.

— А надолго он к нам? — осторожно поинтересовалась мама.

— Он из своего Мончегорска на юг едет. Будет проезжать Воронеж и сделает остановку на два дня, чтобы со мной повидаться. Пишет, что приедет к нам пригородным из Воронежа часов в десять утра.

— Так, — решительно заявила мама, — сей же час идем в магазин. Негоже встречать гостя в старой одежде!

Отец пытался возражать, но мама настаивала на своем:

— Тебе рубашка приличная нужна. А Витьке я давно собиралась новые брюки купить...

В магазин мы отправились всей семьей. Рубашку для отца нашли быстро, а вот с моими брюками вышла незадача. Оказалось, что я уже подрос, и прежний размер мне не подходит. Отыскивали брюки не в детском, а во взрослом отделе. Были они мне слегка великоваты, но мама меня успокоила:

— К первому сентября подрастешь еще немного, и будут они тебе в самый раз.

А себе мама новую кофточку присмотрела. Папа сказал, что она ей очень идет.

Правда, на обратном пути он всю дорогу бухтел:

— Вот, потратили деньги незнамо на что. А я хотел печника нанять, печь давно надо переложить. Теперь опять зимой мерзнуть будем...

— Ничего, переживем, — успокаивала его мама. — Авось к весне сможем на это снова деньги собрать...

Вечером, после ужина, отец, надев очки, еще раз перечитал телеграмму из Мончегорска. И вот тут-то он и разговорился.

— Вы знаете, — сказал он, — каким был другом Коля Ефремов?

Глаза отца подозрительно заблестели, голос задрожал.

— Коля однажды спас меня, можно сказать, от гибели! — продолжил он. — Своей жизнью рисковал, а меня спас.

Мама, убиравшая посуду со стола, застыла на месте:

— От какой такой гибели? Ты же никогда не рассказывал об этом!

— А чего зря тревожить вас? Ну, было это со мной под Белгородом...

Мама присела на диван:

— Рассказывай, рассказывай...

Отец тяжело вздохнул:

— Под Белгородом, говорю, случилось это. Наша часть попала в немецкую засаду. Схватка была, как всегда, кровавая. Нашему комбату надо было срочно связаться с командованием полка. А связи не было, надо было ее восстановить. Как на грех, связистов рядом не оказалось. Вот и приказал мне комбат ползти вдоль кабеля, найти разрыв и соединить провода.

— А почему тебе-то? Ты что, связист что ли? — удивилась мама.

— На войне вопросы «почему?» никто не задает, — назидательно сказал отец. — Приказ командира — закон. Но я думаю, что комбат выбрал именно меня потому, что я ростом не вышел. Кабель-то проложен по полю, вдоль линии фронта, которая вся простреливалась немцами. Понятно, что тут нужен человек помельче. Как я, словом. Да и пошустрее многих других я был в ту пору...

Мама улыбнулась:

— Ну, уж шустер ты был — сама знаю как.

Отец тоже улыбнулся:

— Да-а-а... было дело... Ну вот... ползу я, значит, по-пластунски вдоль кабеля, весь репьями облепленный. Метров триста прополз — с кабелем все в порядке. И вдруг на моем пути — канава, а кабель через нее тянется. Не такая уж широкая, эта канава. Если встать, то перепрыгнуть можно запросто. А как встать, если пули над тобой свистят? А переползти ее невозможно. Упадешь в нее — и не вылезешь. Она же глубокая, сволочь!

— А вокруг нее нельзя было проползти? — поинтересовался я.

— Вот и я тогда так подумал, — сказал отец. — Пополз вдоль канавы в одну сторону, потом в другую — нет этой канаве ни конца, ни края! Только время потерял.

— И что же ты сделал? — не унимался я.

— А что было делать? Встал, перепрыгнул. И в тот же миг меня подкосила немецкая пуля. В правое плечо попала. Рана, по военным меркам, не смертельная. А ползти — ну никак невозможно. Чтобы ползти, сильные руки нужны, а я правой рукой пошевелить не могу. Боль страшная, и кровь без конца течет.

Мама прижалась к отцу, поцеловала его в небритую щеку. А он продолжал:

— Лежу я, значит, и думаю: сорвал я, мерзавец, задание, подвел ком-

бата. Вся свою роту, весь батальон подвел! И сколько мне лежать тут, неизвестно. Не могу двинуться ни вперед, ни назад. И показалось, что вот тут, на незнакомом поле конец мне пришел, навсегда я тут остался. Ведь пули летят надо мной — и наши, и немецкие...

— Господи, — перекрестилась мама, — меня аж озноб пробрал.

— Вот и меня тогда озноб бил, — продолжал отец. — Но вдруг почудилось, что кто-то ползет ко мне с нашей стороны. Слышу, с другого края канавы голос негромкий раздается: «Вась, а Вась... ты жив?» Оборачиваюсь, как могу, боль превозмогая, а это Коля Ефремов, друг мой, меня окликает. «Жив», — говорю ему.

Мама еще раз перекрестилась.

— Оказалось, что Коля сам вызвался связь восстановить, когда ясно стало, что у меня ничего не получилось. Но не только о связи он тогда думал, но и обо мне тоже.

— А как же он эту канаву преодолел? — спросил я.

— Очень просто, — ответил отец. — Встал в полный рост, да и перепрыгнул через нее. Пуль он никогда не боялся. Часто говорил: «Я от пуль заговоренный». Похоже, так и было. Не он боялся пуль, а пули боялись его.

— А что с кабелем этим было? — не унимался я.

— Коля сказал мне: «Подожди немного, найду обрыв, соединю кабель — и вернусь за тобой». И уполз. Вернулся он минут через двадцать. Связь, говорит, восстановил. А теперь, мол, тебя надо в санчасть доставить. Меня, стало быть. И ведь доставил! До сих пор не понимаю, как ему удалось меня обратно через эту канаву перетащить, как он эти триста метров, ползком, под пулями до наших меня волок. Врачи потом сказали: повезло, мол, тебе с другом. А я и сам знаю, что повезло.

Помолчав немного, отец подтвердил:

— Коля и в самом деле был от пуль заговоренный. Помню, сколько раз он первым поднимался в атаку, и весь наш взвод за ним шел. Другие и тяжелые ранения получали, и погибали... А ему хоть бы что!

— Неужто можно быть таким бесстрашным? Война ведь! — удивилась мама.

— На войне всегда и всем страшно, — уточнил отец. — Но бывали моменты, когда страх этот надо было в себе заглушить. У Коли это лучше других получалось.

Отец опять примолк, что-то вспоминая.

— Страшнее всего было в апреле-мае сорок пятого. Вроде бы все, вот она победа, совсем близко. А бои еще идут, и так не хочется погибать, когда война уже вот-вот закончится. Думаю, что Коле в те дни тоже было страшно. Как раз в это время, в боях под Прагой, в него и угодил осколок артиллерийского снаряда. Какие-то миллиметры до сердца не дошел. Врачи взялись оперировать Колю, да испугались: сердце все же рядом. Так и выписали его с осколком в груди. Думаю, он и до сих пор с ним живет.

— Вот чудеса-то! — удивилась мама.

— Вот какого гостя мы будем встречать завтра! — гордо произнес отец.

А на следующий день мы всей семьей готовились к встрече гостя из Мончегорска. Мама возилась с пирогами, прибиралась в избе. А мы с отцом сходили на станцию, чтобы уточнить время прибытия пригородных поездов, после чего до конца дня наводили порядок в нашем дворе.

Утром мама накрыла стол, и он оказался достаточно праздничным. А потом мы, нарядившись в свои обновки, все втроем отправились встречать гостя. На перроне вокзала, стоя на предполагаемом месте остановки первого вагона, немного нервничали. Ведь номер вагона, в котором едет друг отца, нам был неизвестен. Пассажиров, прибывших из города, будет немало. Как бы случайно не пропустить нашего гостя!

Подошел поезд. Из вагонов выходили люди, проходили мимо нас, и я заметил, что папа несколько растерян. Перрон постепенно пустел, а нашего гостя среди прибывших не было видно.

Мы вышли на привокзальную площадь, присели на лавочку.

— Может, не успел он на этот пригородный? — рассуждал отец. — Или его поезд по пути в Воронеж где-то задержался. Дорога-то длинная! Дождавшись прибытия очередного поезда, снова вышли на перрон. Нашего гостя среди пассажиров опять не оказалось.

В тот день мы встречали все пригородные поезда из Воронежа. И каждый раз — безрезультатно. Гость из Мончегорска к нам так и не приехал. Долго после этого отец мучился вопросом:

— Что же случилось? Отменил поездку? Но Коля человек обязательный, непременно известил бы меня об этом. Что еще могло произойти? Не понимаю!

Мама как-то сказала ему:

— Вась, ты прямо извелся весь. Возьми да и напиши ему письмо в Мончегорск!

Отец со злостью остановил ее:

— Да нет у меня его адреса! Понимаешь — нет!

И уже спокойней объяснил:

— Когда мы с Колей расставались, договорились, что он мне первым напишет. Ведь у меня-то адрес простой, его не надо записывать, он легко запоминается: область, село, фамилия. А у Коли — город, там адрес подлинней будет.

Отец часто задавал вопрос почтальону:

— Федотыч, мне писем нет?

— Пишут! — неизменно отвечал Федотыч.

Даже незадолго до смерти отец вдруг спросил у мамы:

— Что же случилось с моим другом из Мончегорска?

Я и сам часто вспоминал о телеграмме из Мончегорска и несостоявшейся встрече с фронтовым другом отца. А эту ночь в мурманской гостинице только об этом и думал.

Еле дождавшись утра, поспешил на первый этаж. Знакомая женщина-администратор уже работала. На табличке значились ее имя и отчество: «Светлана Николаевна». Николаевна!

— Извините... — обратился я к ней, — я хотел вас спросить...

Она меня перебила:

— Я тоже хотела спросить, но постеснялась... Ваш папа — Василий Егорович?

— Да, да! — обрадовался я.

— Знаете что, — предложила она, — вы не возражаете, если мы пройдем в наш бар и попьем кофе?

— Буду рад, — согласился я.

— Надя! — позвала она кого-то, — подежурь на моем месте минут двадцать...

Мы присели за столик в баре, заказали кофе.

— Давайте по-родственному, без отчеств, — улыбнулась она. — Я — Светлана, вы — Виктор.

— Давайте, — согласился я.

— Виктор, мой папа так часто рассказывал о вашем отце, что его имя-отчество я с детских лет хорошо запомнила. А знаете, Виктор, ведь тем летом, когда папа собирался в гости к Василию Егоровичу заехать, я с ним тоже была.

Светлана вдруг погрузилась, на минуту примолкла. Вздохнув, продолжила:

— Незадолго до этого я заболела. Врачи сказали, что у меня пиелонефрит — болезнь почек, которую нужно срочно лечить. Посоветовали детский санаторий в Железноводске, помогли путевку приобрести. Вот в Железноводск-то мы тогда с папой и ехали.

Было заметно, что воспоминания дают Светлане тяжело.

— Это была моя первая поездка в жизни. Я радовалась каждой минуте нашего с папой путешествия. Из Мончегорска автобусом доехали до Мурманска. Сели в ленинградский поезд. Папа пообещал, что Ленинград мне покажет, что в Эрмитаж сходим, а потом в Воронеж поедет. Мы должны были ехать до Воронежа поездом «Ленинград — Кисловодск». Знать бы заранее, чем эти наши планы обернутся!

Светлана взяла салфетку со стола, вытерла слезы, застилавшие глаза.

— Ночью, когда я спала, три пьяных парня стали к одной девушке — попутчице нашей — приставать. Папа сделал им замечание. А когда он вышел в тамбур покурить, оказалось, что эти бандиты там его поджидали. Их нож прямо в сердце ему попал...

Светлана снова вытерла слезы.

— Вы, может, знаете, что папа почти рядом с сердцем немецкий осколок носил?

— Знаю, Светлана, знаю, — участливо сказал я. — Отец рассказывал об этом.

— Осколок этот до сердца не достал, а бандитский нож... Высадили меня с нашим тяжеленным чемоданом в Петрозаводске. Боялась, что не найду пути обратно, в Мончегорск. Спасибо милиции, помогли. Тело папы тоже доставили.

Я понимал, как трудно даются ей эти воспоминания, и вопросов не задавал.

— Похоронили папу на почетной аллее. Он же был тремя орденами Славы награжден! А мы с мамой и не знали об этом, пока он не погиб. Когда он с войны пришел, все свои награды в краеведческий музей сдал, мы их толком и не видели. Папа рассказывал, что Василий Егорович тоже был к званию Героя представлен, да только документы где-то затерялись? Я растерялся:

— Ничего не знаю об этом, отец никогда не рассказывал...

— Вот такие, Витя, отцы у нас были, — задумчиво сказала она. — На войне — герои, а в мирной жизни — обычные скромные люди. Но эта их скромность, мне кажется, достойна их героизма. Она даже возвеличивает их как героев.

Светлана заплакала, уже не скрывая слез. Я вспомнил своего отца, и к моему горлу тоже подступили слезы. Я осторожно взял Светлану за руку. Совсем недавно я даже не догадывался о ее существовании. А сегодня рядом со мной сидел такой близкий, такой родной мне человек.

Вот что делают общие воспоминания. И общие слезы...

СТЕПАНЫЧ

В Андреевке Степаныча знал каждый — от мала до велика. В это село он приехал давным-давно молодым агрономом, только-только окончившим сельскохозяйственный институт в большом далеком городе. И никто не ведал, не догадывался даже, что Андреевка для него — родная, что здесь он когда-то родился, здесь хотел и окончить свой земной путь. Еще дошкольником в конце войны его, беспризорного, андреевцы определили в детский дом, только что открытый в районном центре, да и потеряли его следы. Отец Степаныча пропал без вести где-то под Сталинградом, а мать застрелили немцы при попытке убежать из колонны женщин, которую несколько автоматчиков сопровождали на железнодорожную станцию — для отправки в Германию.

Степанычем прозвали его еще в детстве. Мальчонка отличался самостоятельностью, рано повзрослел, вот и стали к нему, как бы в шутку, обращаться по отчеству. Он и в детском доме, когда спросили, как его зовут, деловито ответил:

— Степаныч.

Так и пошло: Степаныч да Степаныч.

Годы пробежали быстро, и вот он, уже давно пенсионер, восьмидесятидвухлетний старик, каждый день привычно проводил под развесистым тополем напротив сельской столовой и клуба, на сооруженной им самим скамье. Здесь он нетерпеливо ожидал почтальона Настю, которая хорошо знала, что выписанные Степанычем «Советскую Россию», «Правду», районную газету надо доставлять не к нему домой, а сюда, под этот тополь. Получив почту, Степаныч, надев очки, углублялся в чтение.

Через Андреевку проходила шумная автомобильная трасса, поэтому и в летнюю напряженную страду, когда грузовики один за другим везли зерно на ближайший хлебоприемный пункт, и позднее, когда шла уборка подсолнечника, а потом и сахарной свеклы, водителям нередко приходилось стоять в пробках — прямо посреди села. Это время они непременно использовали для бесед со Степанычем.

— Привет, Степаныч! Как дела?

— Нормально, — неизменно отвечал старик.

Понятно, что в жаркую рабочую пору сельским водителям, в отличие от городских, телевизоры смотреть-рассматривать некогда: урожай ждать не станет. Поэтому водители, то один, то другой, интересовались у Степаныча новостями:

— Что там в газетах пишут, Степаныч?

— Да вот коронавирусу опять вверх попер. И что за зараза такая?

— Да-а... А что еще?

— Пишут, американцы нам новыми санкциями грозят...

— Ну, это уже не новость. Пусть грозят.

— А еще они хотят наш «Северный поток» остановить и свой газ Европе навязать...

— Ничего, я так думаю, у них не получится... А что еще пишут?

— Блогера какого-то судят...

— Что за блогер?

— А черт его знает! — слегка смущался Степаныч, как бы извиняясь за то, что не может ответить на вопрос.

Прислушивающийся к разговору шестиклассник Вовка, сын учитель-

ницы Веры Дмитриевны, выглядывавший из распахнутого окна ее дома, стоящего прямо за спиной Степаныча, пояснял:

— Блогер — это тот, кто с большой аудиторией общается. С большим количеством людей, значит.

— Надо же, блогер, — удивлялся водитель. — Придумают же слово! Не проще ли сказать по-нашему, по-деревенскому, — пустобрех, мол. А то — блогер! Ха!

Водитель, посигналив для порядка впереди стоящим коллегам, обязательно спрашивал:

— Степаныч, ну а хорошие новости есть?

— А как же, есть, — отвечал старик. — В этом году урожай зерновых в стране ожидается выше, чем в прошлом.

— Вот это хорошая новость! А то — блогер...

Вот в таких или примерно таких разговорах проходил каждый день Степаныча. Только во второй половине дня, когда водители уходили пообедать, Степаныч предавался воспоминаниям. Чаще всего, нахлынув на него, словно обжигающий знойный ветер, приходили мысли о военном и послевоенном детстве. Степаныч родился за три года до войны, поэтому самую войну, пережив ее малым ребенком, помнить не мог. В памяти сохранились только обрывки картин той поры. Вот он карабкается вверх по лестнице какого-то подвала, в котором прячется много людей (теперь-то он понимает, что прятались они, вероятно, спасаясь от бомб и снарядов), подбирается к дверце и смотрит через ее щели в небо. А там, в небе, летит самолет. Может, наш, а может, и вражеский. Чьи-то руки тянут его за штанину вниз, подальше от опасности. «Наверно, это была мама...» — с теплотой думал Степаныч.

А еще он вспоминал, как часто подстерегала его сверстников война, оставившая на этой земле тысячи своих чудовищных следов. Один пытался «разобрать» артиллерийский снаряд — лишился руки. Другой и вовсе погиб, бросив такой же снаряд в костер. Третий... Да сколько их было, ребятешек, которые по детской неосмотрительности попадали в трагические ситуации из-за разбросанных повсюду боеприпасов! «Какие глупые! — думал он. — Разве можно быть такими беспечными?»

Но, по правде говоря, он в ту пору и сам не больно-то был умен. Как-то, уже будучи детдомовцем, поднял на улице выброшенный кем-то пустой стеклянный пузырек. Был тот пузырек довольно большого объема, и Степанычу, решившему заполнить его порохом, не сразу это удалось. Сначала он отправлял в пузырек попадавшийся ему порох круглый и трубчатый. Но когда пузырек был наполнен до отказа, Степаныч понял, что надо чем-то заполнить еще и оставшиеся промежутки. Для этого, смекнул он, подошел бы зернистый, сыпучий порох от всевозможных патронов. Но достать порох из патронов оказалось не таким уж простым делом. Надо было основательно постучать по патрону зубилом и молотком, чтобы отделить гильзу от пули. Когда это, наконец, удавалось, порох из гильзы отправлялся в тот же самый пузырек.

Когда в пузырьке уже не оставалось свободного места, Степаныч решил проверить, что будет, если порох поджечь. Забравшись в какой-то сарай, подальше от посторонних глаз, он стал тыкать в пузырек зажженными спичками. Ничего не получалось, потому что в пузырьке не было воздуха, и спички сразу гасли. «И как я тогда этот сарай не спалил? А ведь мог спалить, дурень!» — думал Степаныч.

Спалить не спалил, а сам себя покалечить вполне бы мог. В том чис-

ле и в том памятном ему, оставшемся после войны, круглом железобетонном ДОТе, в прямоугольную амбразуру которого он забрался, уйдя далеко за село, подальше от людей. «Не загорается порох от одной спички, значит, надо сунуть их в пузырек сразу с десяткой» — догадался он. Так и сделал сдуру. Спички, зажигаясь одна от другой, воспламенили и порох. Пузырек взорвался прямо у него в руках, и клубок огня, смешанного со стеклом, вырвался наружу из амбразуры. Удивительно, но не пострадали ни руки, ни лицо, ни его одежонка. Лишь слегка чиркнул стеклянный осколок по шее — да и только. Степаныч даже испугаться не успел — так быстро все произошло. Он выскочил из своего железобетонного убежища вслед за пламенем и увидел вдалеке старика, шагавшего в сторону села, грозившего ему своей кривой палкой и что-то кричащего. Степаныч дал стрекоча и вскоре оказался в своем детдоме.

Часто вспоминал Степаныч и жену, Клаву. Вырастили они с нею двух дочек — Настю и Светлану. Но не довелось Клаве увидеть их взрослыми, умерла она, когда дочки были еще школьницами. Растил их Степаныч один, помог им и институты окончить, замуж их выдал. Все бы хорошо, но давным-давно не были они в Андреевке, позабыли сюда дорогу. Светланка-то далеко живет, в Москве, понятно, что оттуда не наездишься. А вот Настя могла бы и приехать — от областного центра, где она обосновалась, до родного села путь не такой уж немислимый. К тому же, у них с мужем, похоже, и своя машина есть...

Воспоминания Степаныча обычно прерывала учительница Вера Дмитриевна, приглашавшая его пообедать. Возвратившись из школы, она кормила своего Вовку, обедала сама, а потом накрывала нехитрый стол для Степаныча: тарелку борща, картошку с капустой или огурцами, вишневый компот. Поначалу Степаныч отказывался от приглашений Веры Дмитриевны, ему неловко было ее утруждать. Но добрая Вера Дмитриевна стала приносить обеды к нему на эту скамью, под его тополь, и Степаныч сдался. В доме Веры Дмитриевны он пытался «отработать» свой обед: то розетку чинил, то, взяв отвертку, какие-то шурупы подкручивал, то в нужном месте гвоздь молотком забивал. Но постепенно он оказался и тут не у дел: ловкий и смысленный Вовка, наблюдая за Степанычем, быстро научился сам справляться со всеми мужскими делами в доме.

Когда Степаныч обедал, Вовка обычно не сводил с него глаз. А то и вопросы задавал.

— Дедушка Степаныч, скажи, а ты правда в детстве травой питался?

И Степаныч — уже в который раз — рассказывал парнишке про лебеду, которой люди утоляли голод — и в войну, и после войны, когда на страну обрушился неурожай.

— Дедушка Степаныч, а ты воевал? — не унимался парнишка.

— Нет, Вовка, не воевал. Мал я еще был, чтобы воевать.

— А войну ты помнишь?

— Кое-что помню... но мало. Зато война нас, таких, как я, хорошо запомнила и порядком нам жизнь поломала, — вздыхал Степаныч.

От Веры Дмитриевны он возвращался на свою скамью. К этому времени обычно уже вечерело, и молодежь начинала подтягиваться к сельскому клубу — на танцы. Для Степаныча это тоже была «культурная программа». Услышав знакомую песню, он тихонько подпевал. Но, к его сожалению, знакомых песен становилось все меньше и меньше.

Его жизнь круто менялась только глубокой осенью, когда наступали холода. Степаныч, как он сам усмеялся, до самой весны уходил «в под-

полье» — одиноко жил в своей старенькой избенке. Было ему тут и холодно, и голодно. Печку ему удавалось растопить не каждый день — для этого надо было наколоть дров, а это ему было уже не всегда по силам. А питался Степаныч в основном картошкой со своего маленького огорода, потому что до сельского магазина в зимнюю стужу ему было не дойти.

В один из таких зимних дней его и застала дочка Настя, в кои-то веки решившая навестить отца. Огляделась в избе, всплеснула руками, сказала:

— Нет, так дальше нельзя. Надо что-то делать.

С утра, растопив печку и накормив Степаныча городскими гостинцами, Настя куда-то засобиралась. Вернулась только к вечеру. Затараторила:

— Все! Завтра перевожу тебя в частный пансионат для пожилых людей. Есть такой в райцентре. Уже обо всем договорилась и за месяц вперед заплатила.

— Завтра? — удивился Степаныч. — Как быстро! Мне же собраться надо...

— А чего тебе собираться? Там все есть. Пансионат хороший, уютный, тебе понравится.

— А сколько заплатила-то?

Услышав ответ, Степаныч аж всплеснул руками:

— Да это же почти в три раза больше моей пенсии!

— А тебе ее так и не повысили? — удивилась дочка. — Говорили же, что детям войны доплата будет.

— Да нет никакой доплаты...

— Ну ничего. Мы со Светкой договоримся — вдвоем будем платить за твой пансионат. Там у них, в Москве, зарплаты побольше наших, пусть раскошеляется. Не обеднеют они со своим генералом...

— Да муж у нее и не генерал вроде... Может, подполковник?

— Значит, скоро будет генералом.

— Может, и будет... А может, и нет...

— Ну ладно, — окоротила его Настя, — хватит разговоров. Рано утром выезжать будем.

«Как они нынче привыкли все решать на скорую руку... — подумал Степаныч. — Раз, два — и готово! Ну перееду я в этот пансионат. А что же с душой-то моей станет? Ведь тут она останется... в этой вот избе... и в этой вот Андреевке...»

Но перечить дочери Степаныч не посмел.

Когда приехали в пансионат, он сделал неприятное для себя открытие: его новое пристанище располагалось в том же здании, в котором в послевоенные годы размещался хорошо знакомый ему детский дом. «Вот те на! — подумал Степаныч. — Откуда начинал жизнь, там и придется ее завершать...»

К обеду, дооформив все нужные документы, дочка стала прощаться с отцом:

— Ну, пока, пап. Не скучай тут...

Пообедав, Степаныч вышел на улицу, подошел к хорошо знакомому кирпичному забору, который за многие годы заметно обветшал. Вот тут он вместе с другими мальчишками и девчонками часами стоял, всматриваясь через промежутки между кирпичными столбами в идущую к детдому дорогу. Каждый из них ждал, надеялся, что к нему скоро придут,

его непременно заберут отсюда: кого-то мама с папой, кого-то — приемные родители. «Тогда хоть надежда была, — подумалось Степанычу. — А сейчас на что надеяться?»

И вдруг он — не душевно даже, а просто физически — ощутил, как трудно ему будет здесь без надежды. И Степаныч, опустив голову, пошел прочь от забора.

Вернувшись в здание, он решил узнать у дежурной медсестры, есть ли здесь библиотека.

— Есть, на втором этаже. Небольшая, правда, — ответила та.

Библиотека размещалась в той же комнате, где когда-то была и детдомовская.

Библиотекарша ему обрадовалась:

— Заходите, милости прошу.

— «Правду», «Советскую Россию» выписываете? — спросил Степаныч.

— Что вы, что вы, на подписку нам хозяин денег не выделяет. Вот только одну газету нам редакция присылает, бесплатно.

Оказалось, что газета была рекламная, разбавленная кроссвордами. Кроссворды Степаныч не любил, но все же, присев за столик, занялся их решением. Занятие это быстро ему надоело, и он стал изучать полки с книгами. Полк этих было достаточно мало для того, чтобы быстро понять: библиотека предлагала своим престарелым читателям лишь одни детективы. Такую литературу Степаныч принципиально не читал. Он ушел в свою палату. Попытался затеять разговор с соседом, но тот то ли спал, то ли был глух, то ли просто неразговорчив.

Степаныч стал вглядываться сначала в потолок, потом в стены, оклеенные обоями. На обоях были какие-то замысловатые рисунки, и он никак не мог понять, что там изображено. Незаметно для себя Степаныч задремал.

Его разбудил звонкий женский голос:

— На ужин!

Поднимаясь днем на второй этаж, Степаныч заметил, что тут есть небольшая комната отдыха. А в ней — телевизор. После ужина заторопился к нему — попытался новости послушать. Но несколько старушек, уже собравшихся здесь смотреть какой-то сериал, недовольно загудели. Пришлось отступить.

И Степаныч затосковал. А тоска, как известно, дело погибельное...

...Отсутствие Степаныча Андреевка заметила весной, когда началась посевная. Первой, не увидев бывшего агронома на хорошо знакомом месте, встревожилась Вера Дмитриевна. И тут же стала успокаивать себя: «Значит, завтра-послезавтра появится...»

Но он не появился ни завтра, ни послезавтра.

Не смог Степаныч жить без своей Андреевки.

Да и сама Андреевка без него стала уже немного другой. Лишь одинокий тополь, который в селе называли теперь тополем Степаныча, да покосившаяся скамья, сделанная когда-то его руками, напоминали о старике, для которого дороже его Андреевки не было ничего на свете.